

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.27>

Собакина Анна Анатольевна

Европейский и американский феминизм глазами русского провинциала начала XX века

В статье исследуется культурфилософская проблематика генезиса и распространения феминистических настроений в российской провинции начала XX века. Эмансипация женщин является одним из наиболее показательных процессов, внутри которого происходит борьба консервативных и модернистских ценностных установок общественного сознания, определяющих духовное содержание как той эпохи, так и современности. Впервые введены в научный оборот публикации газет "Вологодский листок", "Русский Север" и "Северное время". Целью является рассмотрение провинциального модуса феномена феминизма на примере статей в местной вологодской прессе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/3/27.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 3. С. 131-135. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

добродетелей» [Ibidem]. Преподнесенный эллинами более двух тысяч лет назад урок формирования полисной гражданской культуры вполне уместен для современного общества.

В результате проведенного исследования автором было выявлено, что осанка обнаруживает метафизическое знание, обладает условием свободы и обладает энергичным началом – харизмой и грацией. На основании осуществленного философско-антропологического анализа осанки можно сделать следующие **выводы**. Человек заявляет о себе окружающему миру через свою телесность. Осанка является соматическим воплощением духа культуры как этноса, так и индивидуума. Таким образом, система ценностей современного общества формируется ровно настолько, насколько человек соматически включен в культуру своего этноса. Причастность к культуре своего народа начинается с ощущения занимаемого пространства, то есть с осанки человека.

Список источников

1. Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб.: Азбука-классика, 2004. 285 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 779 с.
3. Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела. М.: Ин-т общегуманитарных исследований, 2000. 256 с.
4. Лукиан. О пляске // Апулей. Апология, или О магии. Метаморфозы, или Золотой осел. Флориды. О божестве Сократа; Лукиан. Диалоги. Недиалогические жанры. М.: НФ «Пушкинская библиотека»; АСТ, 2005. С. 653-673.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
6. Платон. Законы // Платон. Сочинения: в 4-х т. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007. Т. 3. Ч. 2. С. 89-514.
7. Шпенглер О. Закат Европы: в 2-х т. М.: Айрис-пресс, 2003. Т. 1. Образ и действительность. 528 с.
8. Hall J. M. Posture in Plato's Laws: An Introduction to Figuration on Civic Education // Journal of Social Science Education. 2016. Vol. 15. № 4. P. 59-67.
9. Mistrík E. Art/Aesthetic Education in Civic Education // Journal of Social Science Education. 2016. Vol. 15. № 4. P. 2-6.

Ethics and Aesthetics of Posture

Osintseva Nadezhda Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Industrial University of Tyumen
ossintseva2002@mail.ru

The article aims to examine the posture phenomenon in the aspect of anthropological ontology. The human's somatic culture is a manifestation of their spirituality. It is shown that posture represents the human's social identity and spirit of the epoch. The body's spatial location is a manifestation of knowledge, grace, charisma, freedom. Posture not only represents the individual's culture but determines their self-perception and social perception. The individual assimilates values depending on their level of somatic involvement in the community's culture.

Key words and phrases: aesthetics; ethics; posture; corporeality; dance; freedom; social identity.

УДК 1

Дата поступления рукописи: 07.03.2015

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.3.27>

В статье исследуется культурфилософская проблематика генезиса и распространения феминистических настроений в российской провинции начала XX века. Эмансипация женщин является одним из наиболее показательных процессов, внутри которого происходит борьба консервативных и модернистских ценностей установок общественного сознания, определяющих духовное содержание как той эпохи, так и современности. Впервые введены в научный оборот публикации газет «Вологодский листок», «Русский Север» и «Северное время». Целью является рассмотрение провинциального модуса феномена феминизма на примере статей в местной вологодской прессе.

Ключевые слова и фразы: гендер; феминизм; эмансипация; суфражизм; женский вопрос в России; провинциальная журналистика начала XX века; вологодский текст культуры.

Собакина Анна Анатольевна

Вологодский государственный университет
anasobakin@yandex.ru

Европейский и американский феминизм глазами русского провинциала начала XX века

В начале XX века, наряду с множеством других, острых и популярных тем той эпохи, русское общество глубоко волновал широкий круг вопросов, связанных с эмансипацией женщин. Так называемый «женский

вопрос» был весьма актуален даже в среде обывателей, и эта дискуссия стала частью их повседневной интеллектуальной жизни. Он стал одним из ключевых и в отечественной журналистике, а его обсуждение превратилось в настоящую общероссийскую дискуссию, которая приобрела отчетливо выраженные национальные специфику и характер. Наряду с петербургскими и московскими газетами и журналами, в дискуссии принимали участие и провинциальные издания. Данная статья посвящена рассмотрению идей феминизма, получивших распространение через средства печати в русской провинциальной среде Вологодской губернии.

Актуальность темы заключается прежде всего в возрастающей роли провинции в социокультурной жизни современной России. Включение провинции в хронику культурного бытия страны началось в 70-е годы XIX века и было тесно связано с модернизацией всех сфер жизни не только русского общества, но и мировой цивилизации в целом. В силу исторических обстоятельств естественный ход этого процесса в нашей стране был нарушен. Между тем в России, где провинция территориально значительно преобладает над столицами, вовлечение ее в орбиту живого культурного творчества является насущной задачей государственной культурной политики.

В географическом смысле провинция – это территория, главным признаком которой является удаленность от столиц. Как специфическое духовное понятие столица связана с динамизмом, прогрессом и развитием, с активным восприятием всего нового. Провинция как ее некий антипод ассоциируется прежде всего с патриархальностью, консерватизмом, тенденцией к сохранению старины и национальных традиций. Культурно-творческая роль столицы заключается в интенсивных внешних контактах, провинция, наоборот, всегда более изолирована и дистанцирована и от столиц, и от остального мира и как бы замкнута сама в себе. Сочетание и взаимодействие этих двух компонентов есть необходимый и естественный момент в процессе развития любой национальной культуры. В связи с вышесказанным, изучение своеобразия способа духовного бытия провинции, ее специфического менталитета, культурной истории, а также особенностей процесса взаимодействия столичной и провинциальной составляющих внутри русской культуры – одна из актуальных задач современной российской науки.

Научная новизна статьи связана с актуализацией проблематики сравнения национальных и западных проявлений феминизма в русском провинциальном сознании. **Цель** заключается в выявлении особенностей протекания процессов модернизации русской провинциальной культуры начала XX в. в гендерной сфере. Главной задачей является анализ опыта освоения вологжанами феноменов западноевропейского феминизма в разных сферах социокультурной жизни.

Особый интерес к «женской» теме в России был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, социокультурные перемены рубежа XIX–XX веков вторглись в долгое время казавшиеся неизблемыми и нерушимыми представления людей о роли и назначении женщины, а также и об отношениях между полами, т.е. затронули так называемую «гендерную сферу» (под понятием «гендер» подразумевается социокультурный смысл пола, а под словом «пол-секс» – исключительно биологический). Во-вторых, история развития этого феномена в России имела свои специфические особенности, а в некоторых отношениях этот процесс здесь протекал даже с опережением европейского. Опираясь на труды современных историков, российский исследователь А. М. Безгрешнова утверждает, что «Россия выступала в авангарде женского движения (могла служить примером для Европы в вопросах женского образования и т.д.)» [1, с. 60]. В-третьих, в России социально-политический аспект феминизма, традиционно доминирующий в европейском сознании, стал лишь внешней стороной и отправной точкой для более глубокой и сложной, а временами выходящей на философский уровень общественной рефлексии. Обращаясь к истории «женского вопроса» в России, нужно отметить, что в нашей национальной традиции он возник под влиянием европейского вектора развития культуры, поскольку «судьба женщины в России была predetermined “культурной революцией”, осуществленной Петром Великим и пустившей глубокие корни в русском Просвещении» [3, с. 105]. Но при этом также очевидно и то, что уже в XIX веке здесь сформировался самостоятельный и самобытный взгляд на роль и место женщины в духовной, социальной и культурной жизни общества. Эти представления выросли из самых глубин национального бытия, и их эволюцию можно проследить через национальную литературу, уже получившую к тому времени широкое мировое признание. «Женская тема» в XIX столетии заняла в русской литературе особое место – «русские писатели и художники XIX века создали прекрасную галерею женских образов, предоставив богатые возможности для анализа судеб героинь» [1, с. 60]. Здесь имеются в виду хрестоматийные женские персонажи А. С. Пушкина, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других. Эти героини на долгое время стали в национальном сознании теми нравственными идеалами, в соответствии с которыми было принято воспитывать, соотносить и сравнивать целые поколения русских девушек и женщин.

В данном случае речь пойдет о некоторых проблемах женской эмансипации в Европе и Северной Америке, а также оценках, данных им русскими провинциалами как результатами их собственных самобытных национальных представлений о месте и роли женщин в духовной и социокультурной жизни общества. На примере таких вологодских изданий, как «Русский Север», «Северное время» и «Вологодский листок», рассмотрим, как местные журналисты интерпретировали данные вопросы в начале XX века.

Терминами «феминизм» и «эмансипация» как в тот период, так и сегодня принято обозначать ряд проблем, связанных с борьбой женщин за равные с мужчинами права. Поскольку родиной эмансипации как феномена социально-политического был Запад, то вполне естественно, что у русского общества не могло не вызывать большого интереса феминистское движение в Европе и на Американском континенте. В общем и целом,

критика западных ценностей, порождаемая привычкой постоянно анализировать, наблюдать и сравнивать свой образ жизни с европейским, стала одной из определяющих традиций русской духовной жизни. При этом особенно осуждению подвергались те в России, кто пытался путем слепого копирования бездумно переносить «чужеродный» опыт на родную почву, и касалось это не одного только «женского вопроса». Поэтому неудивительно, что демонстративные и эпатажные формы, которые феминизм часто принимал на Западе, как правило, не вызывали ни понимания, ни одобрения у консервативно настроенной части русских людей.

Поскольку, как уже было сказано, феминистское движение пришло в Россию с Запада, то оно, как и прочие европейские веяния, было подвергнуто у нас тщательному и критическому всестороннему анализу на предмет соответствия российским реалиям. «Игру женщин в феминизм, – писал в одной из своих статей в промонархической и консервативной газете “Русский Север” яркий провинциальный публицист и политик П. А. Барач, скрывавший свое имя под инициалами Л. Ч., – можно сравнить с нашей игрой в конституцию. Привыкнув смотреть на западных европейцев снизу вверх, мы думаем с помощью совершенно неприменимой к нам конституции стать западными европейцами и не понимаем, как мы смешны в этой обезьяньей роли. Мы по невежеству своему полагаем, что форму правления можно менять, как фасон брюк, не соображаясь с историей и бытом народа, и верим, что достаточно приказать и история изменит свое течение. Точно так же поступают и женщины. Видя в мужчине существо высшее (большая ошибка, по моему мнению), они верят, что довольно отдать приказ о женском равноправии и они действительно станут равными мужчинам, ибо что может сделать природа против воли какого-нибудь парламента. Парламент прикажет – и мужчины начнут рожать детей с чисто женским усердием» [6]. Таким образом, сам феминизм рассматривался русским консервативным сознанием как вступающее в прямое противоречие с природой явление, т.е. нечто в принципе противоестественное и, соответственно, неприемлемое не только для России, но и в целом для человеческой жизни.

Стремление к обретению и сохранению подлинного национального бытия во всех сферах и на всех уровнях стало одной из главных задач русской духовной жизни. Борьба за собственную русскую идентичность, а иногда и исключительность, осознавалась как необходимая часть битвы за свое историческое существование и национальное самоутверждение. Ощущать себя только тем, кто ты есть, ни в чем не отступая от своей сути, полностью соответствовать самому себе – было твердым правилом русского консервативного сознания, можно даже сказать, своего рода психологической установкой. Любая фальшь и подмена сразу же становились объектами суровой критики, временами очень яростной и ожесточенной. К началу XX века в России, параллельно с национальной, остро встала и проблема гендерной самоидентификации. Часто слабые и неубедительные попытки женщин выйти за рамки своих традиционных ролей неприязненно воспринимались значительной частью российского общества. Освоение нового опыта, в том числе в этой области, часто оценивалось ею как желание натянуть на себя чью-то личину, выступить в чужой роли, выдать себя за кого-то другого, то есть как сознательный или бессознательный обман и самообман, что предсказуемо вызывало внутренний протест, раздражение или сожаление у консервативно настроенных людей. Это предубеждение в русском сознании было очень сильно и являлось еще одной причиной, из-за которой женская эмансипация также имела массу убежденных критиков и недоброжелателей в предреволюционной России.

Такое мнение российских консерваторов о феминизме и феминистках, как правило, только укреплялось в связи с получаемой ими негативной информацией с разных концов света. Проявления эмансипации имели весьма разнообразные характер и специфику в европейских странах и на американском континенте. Внимание всей Европы и России в тот период привлекала активная и скандальная деятельность английских суфражисток, которые стояли в авангарде женского движения. Их «выходки», облик и манеры вызывали возмущение и негодование не только в России, а сами они часто воспринимались как карикатура на мужчин. Сами заголовки статей говорят о степени нетерпимости по отношению к ним современников. Например, неподписанная статья 1912 года в газете «Северное время» озаглавлена так: «Добивающееся равноправия бабье» [10], – что демонстрирует довольно презрительное отношение к женщинам, желающим быть наравне с мужчинами. Годом раньше, в 1911 году, газета «Вологодский листок» в статье «Дуэль мужчины с женщиной» рассказала об интересном факте из европейской действительности, когда «французская журналистка, пишущая под псевдонимом Ария Ли, Жозефина Гудон, вызвала, как известно, журналиста Массэ на дуэль за статью, направленную против феминисток. После долгих колебаний Массэ принял вызов и на поединке, на рапирах, был опасно ранен своей противницей» [2]. Тема женской дуэли к тому времени уже была представлена и в кинематографе, и ранее, в ноябре 1909 года, в электротееатре ресторана «Эрмитаж» в Вологде был показан комедийный фильм под названием «Дуэль суфражисток», о чем сообщила газета «Русский Север» [9].

Однако о французской эмансипации женщин писали и в более серьезном ключе. Традиционно французская культура всегда имела в России большое количество поклонников и почитателей, поэтому тон публикаций был неизменно доброжелательным. Неприятие и осуждение форм феминизма в англо-саксонских странах сменяли озабоченность и тревога по поводу Франции, вызванные снижением рождаемости в этом государстве. Это напрямую связывали с падением нравственности, ставшим результатом революционных социальных сдвигов, одним из которых было изменение представлений о роли женщины в семье и обществе, а также снижении социального влияния религии и церкви. Об этом писал анонимный автор в статье, опубликованной в газете «Русский Север» от 11 июля 1908 года «Понижение прироста или вымирание?»: «На Западе давно замечено постепенное понижение естественного прироста населения. Франция в этом отношении опередила все страны... Хронический характер понижения естественного прироста служит ярким доказательством утраты населением тех

нравственных устоев, на которых в доброе старое время покоилась патриархальная жизнь народа, ныне нарушенная вторжением растлевающих внешних влияний так называемой “культуры”. <...> На такой почве, возделанной совокупным влиянием современной “культуры” и деморализующих революционных потрясений, упадок бытовых начал патриархального уклада семейной жизни представляется достаточно укоренившимся, и констатированное нормирование числа рождений приходится признать за неопровержимый факт; борьба с развитием этого явления может быть успешна только долгим путем духовно-нравственного возрождения народа» [5].

Негативные демографические процессы рассматривались в русской прессе как печальные результаты в том числе и Великой французской революции, пагубно повлиявшей не только на французское общество, но и на всю Европу. В ряду негативных последствий называли злоупотребления женщинами преимуществами почти ничем не ограниченной свободы, и об этом писала газета «Русский Север» осенью 1908 года в статье с выразительным названием «Век разврата» (автор скрывался под псевдонимом В. Д-ский): «Говорят, – что нужны всевозможные свободы, чтобы вывести наше общество к лучшей жизни. Но давно свободная Франция не служит ли ярким доказательством обратного... Женщины Франции, чтобы иметь возможность шире пользоваться благами жизни, иначе говоря, чтобы развратничать без стыда за последствия, оперативным путем лишают себя способности деторождения и этим уменьшают с каждым годом прирост населения, ведя к гибели когда-то славное государство. И работающие на этом поприще хирурги не преследуются, ибо Франция – страна свободы. Россия пошла по тому же пути и нужен сильный толчок, чтобы остановить дальнейшее движение по нему» [8].

Распространение идей феминизма не могло, хотя бы опосредованно, не отразиться и на сфере искусства. Совпадая по времени с процессом становления массовой культуры, оно порождало в культуре художественной весьма показательные явления. В силу традиции, наиболее характерны они были опять все для той же Франции. Эстетические предпочтения французов и француженок, говорящие об их вкусах и отношении к обсуждаемым вопросам, также становились объектами критики в русской публицистике того времени, как доказательство «ужасающего падения нравов». Анонимный автор в рубрике «Контрасты» газеты «Русский Север», ссылаясь на публикацию в журнале «Театр и искусство», писал следующее: «Сцена из современного обозрения, идущего в одном из театров Парижа...: “Танцует хулиган с проституткой («Зловещий вальс»). Он ногтями впирается ей в лицо, крутит ей голову; она же «по-собачьи» трогательно отдается. Он поднимает кулак – она склоняется к нему на плечо. Он толкает ее ногой – она оббивает рукой его шею, повязанную красным платком вместо галстука, вся замирающая от сладострастия. Парижанки следят за зловещим вальсом, затаив дыхание”» [7]. Агрессивный культ чувственности и порока, и в искусстве, и обыденной жизни, принимавший новые, все более и более откровенные формы, постепенно вытеснял традиционные принципы европейского и христианского мировоззрения, разрушал устои, на которых веками держались общество, семья и государство, что не могло не вызывать у русских людей тревогу и глубокую озабоченность. Именно так понимались и оценивались эти процессы консервативным сознанием в России.

Проблемы падения нравственности в европейском мире волновали российское общество не с точки зрения отвлеченных идей и умозрительных истин, не из-за ханжеского и лицемерного отношения к другим народам и их традициям, не из-за нежелания и неготовности их понять, а по вполне очевидным для русских людей причинам. Результатом расширения представлений о человеческой свободе и женской эмансипации стали, по общему мнению, деградация общества и нивелирование морали, которые рассматривались как потенциальная основа будущего вымирания народов, их самоистребления.

Вологодские газеты начала XX века обращались и к теме североамериканского феминизма, предпосылками и истоками которого русские люди считали сам менталитет американцев, который был оценен национальным сознанием как бездуховный и вступающий в резкий диссонанс с фундаментальными ценностями русской и даже европейской культуры. Статья «Американские мужья», перепечатанная в июне 1908 года «Русским Севером» из «Волжской жизни», с осуждением повествовала как об отношениях внутри семьи, так и в целом об укладе жизни, сложившемся за океаном: «Завтрак в кругу семьи в этой стране крайнего напряжения неизвестен. Между часом и 2-мя служащие бегут возможно скорее, в ресторан или клуб, чтобы проглотить свой cocktail и sandwich и с полным ртом продолжают говорить о делах с людьми, с которыми только что вместе писали, телеграфировали, телефонировали. После столь напряженной деятельности, вечером, вернувшись к себе американский муж чувствует себя разбитым, с пустой головой, истощенным до последней степени. Ему нечего сказать своей жене, своим детям, своей прислуге. У него не находится даже слов, чтобы оправдать свою усталость. <...> Американец говорит односложными словами. И, кроме того, он привык смотреть на свою жену не как на ласковую спутницу жизни, а как на богиню, господствующую над ним, с высоты своего пьедестала. Единственное, подобающее в этом случае отношение – молчаливое обожание. При таких условиях, американский муж... является для своей жены лишь живой чековой книжкой...» [4].

Такой откровенный женский меркантилизм по отношению к мужу, характерный для американских семей, тоже вызывал неприятие у русских людей. Феминизм рассматривался ими как логическое продолжение сложившихся в американском обществе нездоровых отношений, и в русском сознании возникал малопривлекательный образ жителя Северной Америки. Газета «Русский Север» писала в продолжение темы: «М. А. Горячкова говорит в “Колоколе” об обратных сторонах американского воспитания и женской свободы. Доллар – вот заветная мечта американских детей. Американец по своей натуре хищен, груб, чрезвычайно эгоистичен и жесток. Идеальные стремления ему чужды и вызывают в нем насмешку, он преклоняется лишь перед золотым мамоном и с детства мечтает о наживе, ради которой не пощадит и родного отца. Что касается

совместного обучения, то такое чрезвычайно невыгодно отражается на американской женщине. Американская женщина, благодаря ему, совершенно утратила женственность. Застенчивость, скромность, женский стыд давно уже в Америке не считаются добродетелями... Американский флирт, приводящий Европу в восторг, есть не более как продукт свободного мальчишеского воспитания и, в сущности, представляет собой незаконченный разврат; он заключается в том, что молодая девушка беззастенчиво прижимается не только наедине, но и в обществе к мужчине, с которым решила флиртовать, позволяет ему обнажить свою руку до локтей и целовать ее, строит ему чудовищные глазки; уединяется с ним в укромные уголки; девочка 15-16 лет, без ведома матери, не спросившись у нее, отправляется на общедоступные танцевальные вечера или в театры низшего разряда, где на сцене дерутся и сквернословят, в сопровождении молодых людей, часто неизвестных родителям. Это и есть пресловутая американская женская "свобода". Плодами этой "свободы" являются родильные приюты на каждой почти улице, необычайное количество аборт и незаконнорожденных и бесконечные разводы; многие женятся и выходят замуж гражданским браком до 30 раз... Часто расстаются на 2-й или на 3-й день после венчания в мэрии» [Там же].

Таким образом, и саму модель поведения американских женщин, основанную на новых представлениях о свободе, и ее последствия для общества так или иначе русское сознание начала XX века рассматривало как средство для достижения определенных целей, поставленных феминистским движением, и при этом как нечто совершенно неприличное и неприемлемое для России.

В процессе сравнения русских представлений с евро-американской реальностью и путем жесткой критики последней происходило не только формирование отношения к самому «женскому вопросу», но, в рамках его, и становление русского национального самосознания в новых условиях. При этом провинциалы-обыватели предреволюционной России, обсуждая проблемы семьи, равноправия мужчины и женщины, нравственности и воспитания подрастающего поколения, оказывались вовлеченными в процессы социальной и культурной модернизации, а главной движущей силой этого процесса являлась периодическая печать, в том числе местные журналисты и издания. При живом интересе к событиям, происходившим в мире, очевидно присутствуют национальная самобытность и дистанцированность во взгляде на них русского провинциала, которую мы проанализировали на примере лишь нескольких публикаций в вологодских изданиях начала XX века.

Список источников

1. **Безгрешнова А. М.** Гендерный аспект проблемы поколений в зеркале русской художественной культуры XIX – начала XX в. // Культурологические исследования '04: сборник научных трудов. СПб.: АСТЕРИОН, 2004. С. 59-68.
2. **Вологодский листок.** 1911. 11 сентября.
3. **Каган М. С.** Се человек... Жизнь, смерть и бессмертие в «волшебном зеркале» изобразительного искусства. СПб.: Logos, 2003. 320 с.
4. **Русский Север.** 1908. 25 июня.
5. **Русский Север.** 1908. 11 июля.
6. **Русский Север.** 1908. 30 июля.
7. **Русский Север.** 1908. 20 августа.
8. **Русский Север.** 1908. 26 октября.
9. **Русский Север.** 1909. 12 ноября.
10. **Северное время.** 1912. 21 ноября.

The European and American Feminism through the Eyes of the Russian Provincialist of the Beginning of the XX Century

Sobakina Anna Anatol'evna
Vologda State University
anasobakin@yandex.ru

The article examines cultural and philosophical problems of genesis and propagation of feminist moods in the Russian province of the beginning of the XX century. Women's emancipation is a strikingly indicative process, which involves confrontation of conservative and modernistic values that determine spiritual content of the past and modern epochs. Publications of "Vologda Provincial Bulletin", "Russian North" and "Northern Time" newspapers are for the first time introduced into scientific circulation. The research objective includes analysing the provincial modus of the feminism phenomenon by the example of the regional Vologda press.

Key words and phrases: gender; feminism; emancipation; suffragism; women's issue in Russia; provincial journalism of the beginning of the XX century; Vologda cultural text.